

Как антикультовая
идеология стала
оружием в войне
за сознание

КОД КЮННЕТА

ТОМАС УЭЙНРАЙТ

Томас Уэйнрайн

Код Кюннета. Балканский полигон

**Как антикультовая идеология стала
оружием в войне за сознание**

Оглавление

Введение. Сигнал из прошлого

Часть I. Истоки кода: Рождение вируса (1930-е – 1980-е)

Глава 1. Тень Вальтера Кюннета: Апология геноцида

Глава 2. Наследники: Международная экспансия вируса

Часть II. Код в действии: Балканский полигон (1980-е — 2000-е)

Глава 3. Симфония церкви и армии: Идеологическая подготовка к войне

Глава 4. Машины для убийства: Психологическая война полковника Петровича

Глава 5. Сребреница: Геноцид как высшая цель

Глава 6. Война в умах: Почему мир не наступил

Часть III. Современное поле боя: Глобальная антикультовая сеть (XXI век)

Глава 7. Глобальная сеть: От Белграда до Москвы через FECRIS

Глава 8. Русский фронт: Как «Код Кюннета» разжег войну в Украине

Глава 9. Гибридная война в сердце Европы

Заключение. Декодирование и обезвреживание вируса

Источники

Введение

Сигнал из прошлого

Июль 1995 года. Босния. Воздух густой и тяжелый от летнего зноя и застывшего страха. В окрестностях небольшого городка Сребреница, объявленного ООН «зоной безопасности», разворачивалась последняя сцена трагедии, ставшей самым массовым убийством в Европе со времен Второй мировой войны. Тысячи мужчин и мальчиков — боснийских мусульман — были методично отделены от своих семей, согнаны в поля и брошенные склады и хладнокровно расстреляны. Их тела сваливали в братские могилы, которые потом вскрывали бульдозерами и перезахоранивали, чтобы скрыть следы преступления.

Мир смотрел на это с ужасом и недоумением. Как такое могло произойти? Как обычные люди — вчерашние соседи, коллеги, одноклассники — превратились в безжалостных палачей, убежденных в своей правоте? Политики и историки предлагали свои объяснения: вековые этнические трения, распад Югославии, экономический коллапс, безудержный национализм. Все это было правдой, но не полной. Это были спички, брошенные в стог сена. Но кто и как пропитал этот стог горючей смесью ненависти?

Ответ был куда глубже. Он скрывался не в видимых причинах, а в сознании сотен и тысяч людей — тех, кто нажимал на курок, и тех, кто отдавал приказы. Их сомнения были уничтожены заранее: они верили, что выполняют священный долг, что очищают свою землю от «чужаков», «террористов», «неверных». Для них это было не преступлением, а высшей миссией, — они были уверены, что творят благо.

Такая убийственная уверенность не рождается сама по себе. Она формируется. Ее внедряют в коллективное сознание, подобно вирусу, который переписывает клеточный код, заставляя организм атаковать даже на своих. За три года до Сребреницы, в 1992 году, в Боснии уже

полыхала война и начинались первые этнические чистки. А три года спустя после Сребреницы, в 1998–1999 годах, тот же вирус националистической ненависти и оправдания любых преступлений «высшей целью» привёл к массовым убийствам и изгнанию сотен тысяч косовских албанцев.

Внешние причины — политика, экономика, национализм — лишь создали условия. Истинный катализатор кроется глубже, в идеологической технологии, которая была активирована задолго до первого выстрела. Это невидимое оружие, отравляющее души и превращающее людей в инструменты для убийства.

Эта книга — расследование оружия, которое родилось из веры и превратилось в идеологию. Его условное имя — «Код Кюннета».

Это набор методов идеологической обработки, рожденный в недрах нацистской Германии. Его создатель, лютеранский теолог Вальтер Кюннет, под предлогом борьбы с «ересью» и «сектами» разработал систему идентификации, дегуманизации и легитимации уничтожения «врагов рейха». Этот код оказался универсальным. Он пережил своего создателя и его режим, передаваясь из поколения в поколение идеологов, маскирующих свои истинные цели под маской защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Мы рассмотрим этот код, его структуру и проследим его смертоносный путь: из тихих кабинетов нацистских богословов и офицеров Гестапо — на поля сражений в Югославии, а оттуда — в современные медиа и социальные сети, где он стал ключевым элементом гибридных войн XXI века. Это история о том, как самая разрушительная идея — идея о праве одних людей решать, как другим следует думать и верить — мутировала, адаптировалась и продолжает отравлять наш мир сегодня.

Часть I.

Истоки кода: Рождение вируса

(1930-е – 1980-е)

Чтобы понять, как работает вирус, нужно вернуться к моменту его возникновения. Его истоки — в Германии 1930-х годов: стране, униженной поражением в Первой мировой войне, раздираемой экономическим кризисом и отчаянно ищущей виновных в своих бедах. В этой атмосфере страха и реваншизма любая идея, предлагающая простое решение и ясного врага, находила благодатную почву. Именно здесь, на стыке религии, политики и тайной полиции, был выкован прототип современного идеологического оружия.

Глава 1.

Тень Вальтера Кюннета: Апология геноцида

В начале 1930-х годов имя Вальтера Кюннета было известно в узких кругах немецких лютеранских теологов. Он был эрудированным интеллектуалом, профессором, автором трудов по апологетике — защите христианской веры. Уже в январе 1932 года он возглавил «Апологетический центр» (Apogetische Centrale) при Евангелическо-лютеранской церкви Германии. На первый взгляд, его миссия выглядела благородной: защитить паству от влияния «сект», «культов» и новых религиозных течений, которые, как грибы после дождя, появлялись в атмосфере духовного вакуума Веймарской республики. Кюннет и его коллеги собирали информацию, писали аналитические записки, предупреждали об «опасностях», которые несли с собой Свидетели Иеговы, мормоны, антропософы и другие группы, чьи взгляды отличались от традиционного лютеранства.

Но времена стремительно менялись. В 1933 году к власти пришёл Адольф Гитлер, и Германия начала стремительно погружаться во мрак нацизма. Для большинства церкви это действительно был тяжёлый выбор: сопротивляться, приспособливаться или сотрудничать. Вальтер Кюннет не колебался ни секунды. Он сразу и с явным воодушевлением выбрал сотрудничество, увидев в новой власти долгожданный инструмент для наведения порядка и восстановления «здоровой» нации. Уже весной 1933 года вышла коллективная книга «Нация перед Богом» (Die Nation vor Gott), одним из главных авторов и редакторов которой был Кюннет; в ней он открыто приветствовал приход Гитлера. А Закон о чрезвычайных полномочиях от 23 марта 1933 года и последующее уничтожение демократии Кюннет воспринял как необходимый и спасительный шаг к национальному возрождению. Для него это был не вынужденный компромисс, а давно желанный союз, открывавший широкие возможности для реализации собственных идей и борьбы с «духовными врагами» нации.

С этого момента его апологетическая деятельность приобрела новый, зловещий оттенок. Борьба с «ересью» плавно трансформировалась в борьбу с «врагами государства». Апологетический центр Кюннета стал не просто церковной структурой, а поставщиком идеологического топлива для репрессивной машины Третьего рейха. Между антикультовым центром и тайной государственной полицией — Гестапо — был налажен тесный обмен информацией. Кюннет и его сотрудники составляли подробные досье и списки так называемых «опасных сект» и «деструктивных культов», которые затем ложились на столы офицеров СС и служили основанием для арестов, пыток и отправки в концентрационные лагеря.

Теологи в рясах и офицеры в черной форме работали в симбиозе. Первые давали идеологическое обоснование, вторые — приводили приговор в исполнение. Кюннет создал и отточил технологию, которая позволяла представить политические репрессии как акт духовной

защиты нации. Эта технология, которую можно назвать «Кодом Кюннета», состояла из трех ключевых элементов:

- **Маркировка.** Первым шагом было создание ярлыка. Любая группа или отдельный человек, чьи взгляды, образ жизни или вероисповедание не вписывались в узкие рамки нацистской идеологии, получали клеймо: «секта», «культ», «чужеродный элемент», «антинародная организация». Этот ярлык мгновенно выводил их за пределы «нормального» общества и делал законной мишенью.
- **Дегуманизация.** После того как ярлык был прикреплен, начинался процесс лишения человеческого облика. В своих публикациях и лекциях антикультовые апологеты представляли маркированные группы не как людей с иными убеждениями, а как угрозу. Их изображали паразитами на теле нации, разрушителями традиционных ценностей, семьи, расовой чистоты. Они якобы не просто «заблуждались» — они были носителями «опасной заразы», которую необходимо было изолировать и уничтожить ради здоровья всего «народного организма».
- **Легитимация насилия.** Когда враг был определен и дегуманизирован, последний шаг становился логичным и даже необходимым. Любое насилие по отношению к нему — от увольнения с работы до физического уничтожения — переставало быть преступлением. Оно подавалось как акт самообороны, как «защита общества», «спасение детей» и «укрепление государства». Репрессии обретали моральное оправдание. Убийство становилось доблестью.

Сотрудники Кюннета, по сути, выполняли функции *Vertrauensmänner* — доверенных лиц и осведомителей, которые, пользуясь своим авторитетом в церковных и академических кругах, собирали сведения и указывали спецслужбам на «неблагонадёжных». Так церковная риторика борьбы с инакомыслием превратилась в

смертоносный инструмент государственной политики. Вальтер Кюннет создал не просто богословскую концепцию. Он создал оружие. Оружие, которое оказалось настолько эффективным и универсальным, что пережило и его самого, и режим, которому он так преданно служил.

После разгрома нацизма казалось, что его идеология навсегда похоронена под обломками Рейхстага. Но «Код Кюннета» не исчез. Он затаился, подобно вирусу в спящем состоянии, ожидая новых носителей и благоприятных условий для распространения. И они не заставили себя долго ждать.

Глава 2.

Наследники: Международная экспансия вируса

Падение Третьего рейха не означало конца идеологической войны. Мир раскололся на два лагеря — капиталистический и социалистический, — и в условиях холодной войны любая технология контроля сознания и борьбы с инакомыслием была на вес золота. «Код Кюннета», очищенный от своей откровенно нацистской атрибутики, был слишком ценным инструментом, чтобы от него отказаться. Он просто сменил вывеску.

Главными хранителями и распространителями этого наследия в послевоенной Европе стали ученики и последователи Кюннета, которые представили его методы не как инструмент тоталитарного государства, а как способ «защиты демократического общества» от «новых угроз». Ключевыми фигурами в этой эстафете стали немецкий пастор Фридрих Хаак и, в особенности, датский теолог Йоханнес Огорд.

Огорд, профессор миссиологии и экуменической теологии в Орхусском университете, был фигурой сложной и влиятельной. В 1970-х годах он основал в Дании «Диалог-центр», который быстро стал международным хабом для «изучения новых религиозных движений». Внешне это выглядело как респектабельная академическая

деятельность. На деле же Огорд строил новую, более современную и глобальную версию апологетического центра Кюннета. Его центр превратился в «информационный пул», собиравший досье на «культи» со всего мира.

Философия Огорда была пугающе созвучна идеям его предшественника. Он был убежден: *«злые дела коренятся в злых вероучениях»*. Эта формула — *«creed is a deed»* (вероучение — это действие) — стала его кредо. По его логике, чтобы предотвратить потенциально вредные действия, необходимо атаковать и искоренять сами верования. Это было прямое оправдание для вторжения в самую сокровенную сферу человеческой жизни — свободу совести. Огорд с презрением отзывался о Первой поправке к Конституции США, защищающей свободу вероисповедания, называя американскую религиозную свободу смертоносной вседозволенностью, которая позволяет убивать души» под прикрытием демократических ценностей.

Под руководством Огорда была создана целая сеть «Диалог-центров» по всей Европе. Они стали каналами для распространения методологии «Кода Кюннета», адаптированной к новым реалиям. Ярлыки «еретик» и «враг рейха» заменили на более современные: «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «жертва контроля сознания». Но суть осталась прежней: маркировка, дегуманизация и легитимация борьбы.

В начале 1990-х, на фоне распада Советского Союза и идеологического хаоса, охватившего Восточную Европу, сеть Огорд начала активную экспансию на восток. И именно в этот момент на сцене появился человек, которому было суждено стать главным оператором «кода» в XXI веке. Александр Дворкин.

Биография Дворкина была идеальной для этой роли. Эмигрировав из СССР в 1977 году, он провел много лет в США, где получил религиозное образование. В начале 1990-х, когда железный занавес рухнул, он вернулся в Россию — страну, находящуюся в состоянии глубокого духовного и идеологического поиска. Постсоветское

пространство было заполнено миссионерами всех мастей, и Русская православная церковь, ослабленная десятилетиями гонений, искала способы вернуть себе монополию на души.

Дворкин предложил ей готовое решение. В 1993 году, после визита в Данию по личному приглашению Йоханнеса Огорда, он основал в Москве «Информационно-консультационный центр имени священномученика Ириней Лионского». Центр Дворкина, который со временем вырос в мощную организацию РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект), стал точной копией центров Кюннета и Огорда. Дворкин не изобретал ничего нового. Он взял проверенную десятилетиями технологию — «Код Кюннета», отшлифованный и упакованный в современную обертку Огордом, — и импортировал ее в Россию.

Методы были те же: создание черных списков «тоталитарных сект», агрессивная кампания в СМИ, лоббирование репрессивных законов, тесное сотрудничество с государственными силовыми структурами. Дворкин стал в России тем же, кем Кюннет был для нацистского режима: главным идеологом борьбы с инакомыслием, поставщиком «экспертных» обоснований для преследования конкурентов.

Идеологическая инфекция, зародившаяся в Германии и мутировавшая в Дании, обрела нового, исключительно мощного носителя. Глобальная сеть уже была готова к действию. Балканы стали первым полигоном для её масштабного применения: здесь, на фоне кровавого распада Югославии, антикультовые активисты — единомышленники Дворкина и будущие его коллеги — сыграли свою ключевую роль в разжигании ненависти и дегуманизации боснийских мусульман. Именно здесь «Код Кюннета» был испытан на деле, принесся свои самые разрушительные плоды со времен Второй мировой войны.

Часть II.

Код в действии: Балканский полигон (1980-е — 2000-е)

Если в нацистской Германии «Код Кюннета» создавался и оттачивался в стерильных условиях лаборатории, где идеологи в рясах и офицеры в мундирах работали в тесном симбиозе, то его первое полномасштабное боевое крещение состоялось на Балканах. В конце XX века Югославия, некогда единая многонациональная страна, превратилась в бурлящий котел этнических и религиозных противоречий. Атмосфера страха, экономической нестабильности и пробудившихся исторических обид стала идеальной питательной средой для вируса ненависти. Именно здесь, на дымящихся руинах рухнувшей страны, технология, разработанная для Третьего рейха, была применена с сокрушительной эффективностью, чтобы разжечь самый кровавый конфликт в Европе со времен Второй мировой войны. Балканский полигон показал, на что способен «Код Кюннета» в полевых условиях.

Глава 3.

Симфония церкви и армии:

Идеологическая подготовка к войне

В конце 1980-х годов воздух в Сербии был наэлектризован. На фоне ослабления коммунистической идеологии на передний план выходил сербский национализм, и его главным рупором становилось радикальное крыло Сербской Православной Церкви (СПЦ). Именно церковь взяла на себя роль хранителя и толкователя национальной идеи, мастерски манипулируя историческими мифами и религиозными символами для мобилизации масс.

Одним из самых мощных таких символов стал князь Лазарь, правитель XIV века, павший в битве на Косовом поле. За несколько месяцев до знаменитой речи Слободана Милошевича на Газиместане в 1989 году духовенство СПЦ организовало зловещий ритуал: саркофаг с мощами князя Лазаря начали провозить по всем сербским землям. Это была не просто религиозная процессия. Это была идеологическая артподготовка. Вместе с мощами путешествовало и легендарное проклятие князя, якобы обращенное ко всем сербам, кто откажется защищать свою землю: *«Кто есть серб и сербского рода... а не придет на битву на Косово... да будет проклят во веки веков!»*. Этот миф, воскрешенный и растиражированный церковными апологетами, превращал политический конфликт в священную войну, а отказ от участия в ней — в предательство веры и нации.

Речь Милошевича, произнесенная на Косовом поле перед миллионной толпой на фоне церковных хоругвей, стала кульминацией этой кампании. Он говорил о грядущих битвах, и хотя тогда еще не упоминал вооруженные столкновения, его слова были восприняты как призыв к действию. Идеологическая почва была подготовлена. Церковь дала сигнал.

В этой атмосфере и начал формироваться сербский филиал международной антикультовой сети. По образцу «Диалог-центра» Йоханнеса Огорда в Белграде был создан свой, «Белградский Диалог-центр». Его появление было не случайным, а результатом симфонии двух мощных сил: церкви и армии. Центр действовал одновременно при Православной миссионерской школе у храма Святого Александра Невского и при Институте психического здоровья Военно-медицинской академии (ВМА).

Это был противоестественный, но чрезвычайно эффективный союз. Священники, офицеры, психологи и юристы работали вместе под одной крышей, преследуя общую цель: «защиту общества от тоталитарных сект и культов». Идеологом и связующим звеном в этой структуре стал полковник Братислав Петрович — нейропсихиатр, возглавлявший

Институт психического здоровья ВМА на протяжении всех югославских войн.

Именно Петрович, прямой наследник знаний Кюннета, полученных через сеть Огорда, адаптировал антикультовую технологию для нужд армии. Он стал тем мостом, по которому религиозная риторика ненависти перетекла в военные доктрины, а абстрактная борьба с «ересью» превратилась в конкретные планы по «этнической зачистке». Под его руководством создавалась машина, способная не просто убивать тела, но и калечить души, превращая обычных парней в безжалостных исполнителей. С этого момента война стала неизбежной. Она уже началась — в умах.

Глава 4.

Машины для убийства:

Психологическая война полковника Петровича

Полковник Братислав Петрович был не просто военным врачом. Он был специалистом по психологическому воздействию, специалистом по стиранию личности. Возглавляя Институт психического здоровья и военной психологии при ВМА, он и его наставник, полковник Гойко Капор, превратили академию в конвейер по производству идеологически запрограммированных солдат. Их работа не была тайной. В своих книгах, таких как «Военная психиатрия», Капор открыто писал, что в современной армии человек проходит через «обучение, образование и индоктринацию», а степень «индоктринации личности бойца» напрямую определяет его боеспособность.

Это была откровенная декларация намерений. Методы, которые Петрович и его коллеги использовали для «промывки мозгов» военных перед отправкой на фронт, были доведены до совершенства. Их целью было полное подавление критического мышления и эмпатии. Солдат должен был видеть перед собой не человека, а мишень, «террориста»,

«ушаша», «неверного». Любой, кто не вписывался в идею «Великой Сербии», автоматически становился «сектантом» — опасным чужеродным элементом, подлежащим уничтожению.

Параллельно с индоктринацией армии машина пропаганды заработала на полную мощность в гражданском обществе. С сентября 1991 года сербские военные установили полный контроль над телевидением и радио Боснии, а сербские СМИ были зачищены еще раньше. Они превратились в оружие массового поражения, сеющее страх и ненависть. В эфир вбрасывались чудовищные фейки, рассчитанные на эмоциональный взрыв. Один из самых известных примеров — репортаж о сорока сербских младенцах, якобы зверски убитых хорватами в Вуковаре. Эта ложь, как позже подтвердила главврач вуковарской больницы, была сознательно распространена, чтобы спровоцировать сербских националистов на ответную жестокость. Результатом стала Овчарская резня, в ходе которой были казнены более 260 хорватских пленных и гражданских лиц.

Пропаганда работала по классической формуле «Кода Кюннета»: маркировка и дегуманизация. Когда независимые журналисты в Косово осмелились назвать убитых албанцев «людьми», а не «террористами», их обвинили в распространении «дезинформации». Человеческий облик врага был под запретом.

Венцом деятельности Петровича стал его отчет для 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1992 году. Этот документ — шедевр пропагандистской эквилибристики. В нем реальность была вывернута наизнанку. Петрович утверждал, что именно сербы являются жертвами геноцида. Он писал о 15 публичных домах, где мусульмане и хорваты якобы насилуют 800 сербских женщин, и о многочисленных концлагерях для сербов. В то время, когда сербская армия держала в осаде Сараево, а по всей Боснии уже шли этнические чистки, Петрович с невозмутимостью ученого докладывал миру о страданиях сербского народа.

Этот отчет цитировали и патриарх Павел, и президент Слободан Милошевич. Он стал официальным алиби для сербских властей и идеологическим прикрытием для их преступлений. Нейропсихиатр из Военно-медицинской академии предоставил политикам и военным то, что им было нужно больше всего: моральное право на убийство. Машины для убийства были заправлены идеологическим топливом и готовы к работе. Их ждала Сребреница.

Глава 5.

Сребреница: Геноцид как высшая цель

Резня в Сребренице в июле 1995 года не была случайным актом военной жестокости или трагическим эксцессом. Это было логическое, хладнокровное и предсказуемое завершение всей идеологической работы, проведенной по лекалам «Кода Кюннета». Если конечная цель — создание «этнически и религиозно чистого» пространства, то геноцид становится не преступлением, а высшим достижением этой цели. Сребреница была именно этим: финальным аккордом в симфонии ненависти, дирижерами которой были люди вроде Петровича и «ястребов войны» из Сербской Православной Церкви.

Эффективность их индоктринации лучше всего видна не в сухих отчетах трибуналов, а в живых словах исполнителей. Интервью бывшего солдата элитного сербского подразделения «Красные береты», процитированного в *New York Times Magazine*, — это пугающее свидетельство полного выжигания человечности. Он вспоминает события в Сребренице без тени раскаяния, с холодной отстраненностью специалиста, говорящего о своей работе.

«Это было почти как игра, охота кошки на мышь. Но, конечно, нас было гораздо больше, чем мусульман, так что почти во всех случаях охотниками были мы, а добычей — они. Нам нужно было, чтобы они сдались, но как заставить кого-то сдаться в такой войне? Моришь их

голодом насмерть. Поэтому очень быстро мы поняли, что волноваться надо не столько из-за оружия, которое проводят в Сребреницу, сколько из-за еды. Там они по-настоящему голодали, поэтому посылали людей воровать скот или собирать урожай, а наша задача была — находить их и убивать... Никаких пленных. Ну да, если мы думали, что у кого-то есть полезная информация, мы могли оставить его в живых, пока не выжмем её из него, но в конце концов — никаких пленных. Местные жители становились довольно возмущёнными, так что иногда мы оставляли кого-нибудь в живых, чтобы передать его им [на расправу], просто чтобы они были довольны».

Он с гордостью носит с собой свой красный берет — «часть того, что определяет меня как мужчину» — и без колебаний говорит, что, если Сербия снова подвергнется нападению, он, «конечно, будет сражаться». На вопрос о тысяче с лишним пленным, убитых его сослуживцами в сельскохозяйственном ангаре в Кравице, он пожимает плечами: «Поскольку они использовали гранаты, это было настоящее месиво, просто куски тел и кровь повсюду. И теперь возникла проблема, как избавиться от всех этих тел. Ну, это была проблема Инженерной службы».

Это не язык убийцы, мучимого совестью. Это язык рабочего, обсуждающего производственные издержки. Индоктринация сработала безупречно. В его сознании мусульмане Сребреницы не были людьми. Они были проблемой, которую нужно было решить.

Связь между палачами и их духовными наставниками была прямой. Подразделение «Красные береты», совершавшее самые жестокие преступления в Боснии, Хорватии и Косово, было тесно связано с радикальным крылом СПЦ. Один из священников этой церкви, Мияйло Бацкович, сам был «красным беретом» и служил в приходе, подчиненном митрополиту Амфилохию Радовичу — тому самому «митрополиту молитвы и проклятий», который был одним из главных «ястребов войны» и идеологов истребления мусульман.

Сребреница стала высшей точкой применения «Кода Кюннета» на Балканах. Маркировка («секты», «террористы»), дегуманизация («не люди, а добыча») и легитимация насилия («защитная, освободительная война») слились воедино в акте тотального уничтожения. Это был не просто военный триумф, это был идеологический триумф. Цель была достигнута. Земля была «очищена».

Глава 6.

Война в умах: Почему мир не наступил

Казалось бы, с окончанием боевых действий и подписанием Дейтонских соглашений на Балканы должен был прийти мир. Но война не закончилась. Она просто переместилась с полей сражений в умы людей, где продолжала тлеть, подогреваемая теми же идеологами, что ее и разожгли. Полковник Петрович, капитан полиции Зоран Лукович и их соратники не сложили оружия. Они просто сменили тактику.

В послевоенные годы по всей Сербии прокатилась волна насилия против религиозных меньшинств. Кампания, начатая еще в разгар войны, теперь набрала полную силу. В своих книгах, статьях и на публичных лекциях антикультисты продолжали клеймить «опасные секты», в список которых теперь попадали все, кто не принадлежал к православию: адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы, кришнаиты, баптисты.

Последствия не заставили себя долго ждать. В 2000-е годы в Сербии было зафиксировано более 300 инцидентов на почве религиозной ненависти. Пастора адвентистов избили до потери сознания. На зданиях церквей появлялись свастики и надписи «Смерть сектам!». Члена индуистской общины Животу Милановича избивали пять раз: бейсбольными битами, ножами, а в 2006 году ножом вырезали на голове крест.

Плоды ненависти, посеянной антикультистами, проросли густыми всходами на просторах интернета. На сербском форуме неонацистской сети Stormfront, в теме «Собираются свидетели Иеговы», где публиковались тексты Петровича и Луковича, пользователи открыто призывали к насилию:

«В Сербии всякой мрази позволено собираться, от сектантов до мрази, которая открыто работает над распадом Сербии».

«Лично я с нетерпением жду следующего сборища сатанистов, педиков, наркоманов и прочих дегенератов... Надо им тогда приготовить теплый прием».

«Сделайте нам одолжение, ворвитесь на следующее сборище этих сект с поясом из С-4» и «пусть их разорвет, пусть ни один из этих злодеев не выживет».

«Их всех надо рубить под корень... Сербия для сербов».

Система защищала саму себя.

Финальным аккордом, символизирующим полную победу «Кода Кюннета» в Сербии, стало избрание в 2021 году новым патриархом Сербской Православной Церкви Порфирия Перича. Порфирий — не просто священник. Он — активный участник антикультового движения, близкий соратник Петровича и Луковича, участник международных антикультовых конференций FECRIS. Российский «сектовед» Александр Дворкин, входивший вместе с сербскими антикультистами в редакционный совет журнала «Белградский диалог», положительно относился к его избранию, учитывая его опыт участия в антикультовой работе.

Это означало одно: идеология ненависти, рожденная в нацистской Германии и закаленная в огне балканских войн, не просто выжила. Она укоренилась на самом высоком уровне, стала частью государственной и церковной политики и продолжает определять идеологический климат в регионе. Война в умах так и не закончилась. Она лишь готовилась к выходу на новый, глобальный уровень.

Часть III.

Современное поле боя: Глобальная антикультовая сеть (XXI век)

Балканский полигон показал миру, на что способен «Код Кюннета» в полевых условиях. Он продемонстрировал, как идеологический вирус, десятилетиями дремавший в теологических трактатах и отчетах «экспертов по сектам», может быть активирован для разжигания геноцида. Но окончание югославских войн не стало концом истории. Напротив, это был лишь пролог. Закаленная в огне этнических чисток, технология вышла на новый, глобальный уровень. Ее носители, сербские «сектоведы» и их покровители, не исчезли и не были осуждены. Они интегрировались в международную антикультовую сеть, экспортируя свой смертоносный опыт. В XXI веке поле боя переместилось. Теперь оно везде: в новостных лентах, социальных сетях, в головах миллионов людей. «Код Кюннета» адаптировался, став главным оружием в гибридных войнах новой эры, а его эпицентр сместился на север, в Москву, откуда начал свое шествие по планете.

Глава 7.

Глобальная сеть:

От Белграда до Москвы через FECRIS

Если бы деятельность полковника Братислава Петровича и его коллег ограничивалась только Балканами, ее можно было бы списать на трагический, но локальный феномен. Однако факты свидетельствуют об обратном. Сербские антикультисты с самого начала были частью более крупной, международной структуры, которая обеспечивала им легитимность, прикрытие и платформу для распространения своих

идей. Этой структурой стала FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве).

Созданная как зонтичная организация для десятков «антикультовых» групп по всей Европе, FECRIS на деле превратилась в канал для обмена самыми радикальными методами борьбы с инакомыслием. И сербские «сектоведы» стали в этой сети желанными гостями и почетными спикерами.

Участие Петровича в международных конференциях FECRIS — это не просто деталь биографии. Это доказательство того, что его опыт, полученный в ходе подготовки к геноциду, был востребован и с интересом изучался «коллегами» из других стран.

- В мае 2002 года в Барселоне, когда раны Сребреницы еще кровоточили, полковник Петрович выступал с докладом, где хвастался, что с 1993 года он обучил своей методологии сотни врачей, психологов и учителей.
- В 2004 году в Марселе он с гордостью отчитывался об «успехах» в Сербии, заявляя, что ему удалось добиться запрета индуистской группы «Санатан». Он цинично оправдывал жестокие нападения на членов этой группы, утверждая, что их доктрина была «исключительно опасной».

На сайте FECRIS до сих пор можно найти аннотацию к его докладу. Рядом с ним в списках участников и спикеров конференций постоянно мелькают знакомые имена: его коллега из МВД капитан Зоран Лукович, военные психологи из ВМА Влайко Панович и Слободан Спасич, и, конечно, их главный международный куратор — Александр Дворкин.

Эта связь была не случайной, а системной. Дворкин, как вице-президент FECRIS и прямой ученик Йоханнеса Огорда, был тем самым связующим звеном, которое соединяло нацистское наследие Кюннета, его датскую реинкарнацию в лице Огорда и его боевое применение на Балканах. Сербия стала для него не просто примером, а моделью для подражания. Он видел, как «Код Кюннета» сработал в симфонии

церкви, армии и спецслужб, и поставил себе цель воспроизвести этот успех в гораздо большем масштабе — в России.

Организация Дворкина, РАЦИРС, стала современным центром управления глобальной антикультовой сетью. Он не просто копировал методы сербских коллег — он их совершенствовал и масштабировал. Если Петрович и Лукович действовали в пределах одной страны, то Дворкин с самого начала работал на международной арене, создавая лояльную сеть агентов в десятках стран, включая Украину.

Глава 8.

Русский фронт:

Как «Код Кюннета» разжег войну в Украине

Сценарий, который развернулся в Украине, был пугающе похож на тот, что был обкатан на Балканах. «Код Кюннета» был применен практически без изменений, лишь с поправкой на местные реалии. Все ключевые элементы были на месте.

- **Симфония церкви и государства.** Как и в Сербии, где СПЦ стала рупором национализма, в России эту роль взяла на себя Русская православная церковь Московского патриархата (РПЦ МП). Под влиянием Дворкина и его РАЦИРС церковь превратилась в идеологический департамент Кремля. Патриарх Кирилл, подобно «ястребам войны» из СПЦ, благословлял оружие, оправдывал агрессию и объявлял войну «священной», «метафизической» битвой против «сатанинского» Запада и «раскольников» в Украине.
- **Маркировка и дегуманизация.** Украинский народ и его правительство были подвергнуты тотальной дегуманизации. В ход пошли те же ярлыки, что использовались против боснийцев и хорватов, но в новой аранжировке. Украинцев

называли «нацистами», «фашистами», «сатанистами», «сектантами». Украинская государственность объявлялась «фейковой», а стремление к независимости — предательством «единого русского мира». Риторика «защиты русскоязычного населения» была точной копией риторики «защиты православных сербов». Цель была та же: лишить противника человеческого облика и морального права на существование.

• **Легитимация насилия.** Когда враг был заклемен и расчеловечен, агрессия против него была представлена как «вынужденная мера», «специальная военная операция» по «денацификации» и «десатанизации». Убийства мирных жителей, бомбардировки городов, пытки пленных — все это оправдывалось как необходимая часть «освободительной» миссии.

Деятельность агентов Дворкина в самой Украине заслуживает отдельного внимания. Задолго до полномасштабного вторжения 2022 года сеть РАЦИРС вела подрывную работу внутри страны. Украинская исследовательница, доктор Людмила Филиппович, отмечала тревожную закономерность: попытки продвинуть в украинском парламенте «антисектантские» законопроекты, копирующие российские, странным образом совпадали с периодами политической нестабильности в стране, в частности, в 2004 и 2013 годах, накануне революций.

«Конкретно теперешнюю инициативу я расцениваю как очередное проявление гибридной войны. Я вижу здесь – не будучи адептом теории заговора — явную «руку Москвы», извините за этот вульгаризм. ... И вот эта инициатива – ни что иное, как «недолуге мавпування». Неуклюжее обезьянничанье, без учета исторических особенностей Украины, её культуры и ментальности народа».

Ее слова подтверждаются фактами. На сайтах епархий РПЦ, возглавляемых членами РАЦИРС, таких как новосибирская епархия вице-президента РАЦИРС Александра Новопашина, были обнаружены прямые инструкции по ведению диверсионной деятельности на

территории Украины. Под видом «справочной литературы» публиковались пособия по саботажу.

Агенты РАЦИРС действовали и через структуры Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП), создавая «апологетические центры» и молодежные движения, которые под предлогом борьбы с «сектами» распространяли идеологию «русского мира» и сеяли раздор в украинском обществе.

Таким образом, война в Украине не была спонтанным решением. Это была тщательно подготовленная операция, идеологическим фундаментом которой стал «Код Кюннета», успешно импортированный и развернутый кремлевскими политехнологами и их церковными пособниками во главе с Александром Дворкиным. Балканский опыт был учтен и масштабирован.

Глава 9.

Гибридная война в сердце Европы

Если в России и Украине «Код Кюннета» применяется в своей самой brutальной, военной форме, то в демократических странах Европы, где прямое насилие невозможно, он мутировал в инструмент гибридной войны. Его цель здесь — не физическое уничтожение, а дестабилизация, поляризация общества, подрыв доверия к государственным институтам и создание управляемого хаоса. Главное поле битвы — информационное пространство.

Ярким примером такой деятельности является работа агентов РАЦИРС в странах Восточной и Центральной Европы. Рассмотрим ситуацию в Чехии и Словакии.

Здесь действуют фигуры, тесно связанные с международной антикультовой сетью. Например, чешская журналистка Кристина Цирокова, используя свой статус в СМИ, систематически занимается

травлей религиозных меньшинств, навешивая на них ярлыки «сект» и «культов». Ее публикации полны обвинений, манипуляций и риторики, направленной на дискредитацию правительства и правоохранительных органов. Это классическая тактика «Кода Кюннета»: создание внутреннего врага и подрыв авторитета власти.

Деятельность таких агентов влияния имеет вполне реальные, трагические последствия. Покушение на премьер-министра Словакии Роберта Фицо в 2024 году нельзя рассматривать в отрыве от многолетней кампании ненависти, развязанной в словацких и чешских медиа. Сам стрелок объяснял свой поступок несогласием с политикой правительства в отношении СМИ — это был один из ключевых нарративов, продвигаемых оппозиционными и «антикультовыми» журналистами.

Это наглядный пример того, как работает современная, эволюционировавшая версия «Код Кюннета» — пазловое кодирование, когда отдельные фрагменты информации складываются в заранее заданную идеологическую картину. Этот термин описывает технологию удаленного программирования нестабильных личностей, «одиноких стрелков», через медиа. Постоянный поток негативной, эмоционально заряженной информации, содержащей определенные кодовые слова и триггеры («угроза демократии», «ликвидация СМИ», «предательство национальных интересов»), формирует в сознании человека картину мира, в которой насилие становится единственным выходом. Медиа-агенты создают идеологическую мозаику, а жертва, «одинокий стрелок», лишь вставляет последний пазл, совершая теракт. При этом сами создатели остаются в тени, формально не призывая к насилию. Они лишь «информируют» и «выражают обеспокоенность».

Так «Код Кюннета» адаптировался к условиям правового государства. Он больше не нуждается в прямых приказах Гестапо или благословении «ястребов войны». Он работает через заголовки новостей, посты в социальных сетях и «экспертные» комментарии, превращая свободу слова в оружие для разрушения самой демократии.

Заключение

Декодирование и обезвреживание вируса

«Код Кюннета» — идеологический вирус, прошедший путь от нацистской Германии через дымящиеся руины Югославии до гибридных фронтов XXI века. За почти сто лет своего существования он доказал ужасающую эффективность и способность к адаптации.

Он менял обличья: из церковной борьбы с «ересью» превращался в инструмент расовой политики нацистов, затем — в технологию разжигания этнических чисток на Балканах, и, наконец, стал оружием в глобальной информационной войне. Но его суть оставалась неизменной. В основе «Кода Кюннета» лежит одна простая и вечная идея — идея о том, что существует группа людей, обладающая монополией на истину и правом решать, как должны думать, верить и жить все остальные.

Сегодня мы видим, к чему приводит эта идея.

- Мы видим ее в риторике российских пропагандистов, оправдывающих убийства украинцев «защитой православия».
- Мы видим ее в действиях европейских «антикультовых» активистов, которые под предлогом борьбы с «сектами» разрушают демократические институты изнутри.
- Мы видим ее в глазах солдат, убежденных, что они несут не смерть, а «освобождение».

Главный вывод, который следует из этого расследования, прост и тревожен: настоящая угроза исходит не от «сект», а от тех, кто с ними «борется». Именно «антикультисты», наследники Кюннета, Огорда и Петровича, являются сегодня главными поставщиками идеологии ненависти, нетерпимости и насилия. Их деятельность — это не защита общества. Это атака на фундаментальные права человека, на свободу мысли и человеческую автономию.

Обезвредить этот вирус можно. Но для этого нужно перестать видеть в его носителях безобидных «экспертов» или «общественных деятелей». Необходимо признать, что антикультовое движение в его современной форме, координируемое из центров вроде РАЦИРС, является инструментом политической борьбы и представляет прямую угрозу национальной и международной безопасности.

Единственный способ остановить распространение этой заразы — это тотальная гласность. Разоблачить их методы, вскрыть их связи, лишить их маски «защитников морали» и показать их истинное лицо — лицо идеологов нетерпимости. Мы должны защищать принципы свободы совести, критического мышления и плюрализма не потому, что это красивые слова, а потому, что это единственная вакцина против вируса ненависти.

История учит, что зло побеждает тогда, когда добрые люди молчат. Сегодня они приходят за «сектантами». И если мы будем молчать, завтра они придут за каждым, кто осмелится думать иначе. Борьба с «Кодом Кюннета» — это не чужая война. Это линия фронта, которая проходит через ум и сердце каждого из нас. Это вечная борьба за право оставаться человеком.

Источники

1. Anderson, S. (2014, May 29). Life in the valley of death. The New York Times Magazine.
<https://www.nytimes.com/interactive/2014/05/29/magazine/srebrenica-life-in-the-valley-of-death.html>
2. Anticult trail in the Yugoslav Wars: Symphony of church and state. Part 2. (2025, July 31). ACTFiles. Exposing Anti-Cultism.
<https://actfiles.org/anticult-trail-in-the-yugoslav-wars/>
3. Ciroková, K. (2023, July 11). Náboženskou sektu na severu Čech prověřuje už i sociálka [Religious sect in northern Bohemia is already being investigated by social services]. Seznam Zprávy.
<https://www.seznamzpravy.cz/clanek/domaci-kauzy-nabozenskou-sektu-na-severu-cech-proveruje-uz-i-socialka-233591>
4. FECRIS. (2015, May 30). Participants to the conference. FECRIS. <https://www.fecris.org/uncategorized/participants-to-the-conference/>
5. Introvigne, M. (2023, May 8). Scandal: FECRIS falsifies the program of a 2017 conference to hide that a fanatical anti-Ukrainian Russian lawyer was among the speakers. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/scandal-fecris-falsifies-the-program-of-a-2017-conference-to-hide-that-a-fanatic-anti-ukrainian-russian-lawyer-was-among-the-speakers/>
6. Kunneth's legacy in the Bosnian War. Part 1. (2025, July 3). ACTFiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/kunneths-legacy-in-the-bosnian-war-part-1/>
7. Nazi Germany and modern Russia. (2024, August 4). ACTFiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/nazi-germany-and-modern-russia/>

8. Volkov, Y. N. (2017, May 13). Abstract: Yevgeniy Volkov [Conference abstract, FECRIS International Conference "Information, Belief and Democracy"]. FECRIS.
<https://www.fecris.org/uncategorized/abstract-yevgeniy-volkov/>
9. War in the minds: Why reconciliation in the post-Yugoslav space remains elusive. Part 3. (2025, August 18). ACTFiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/war-in-the-minds/>
10. Zigová, I. (2025, October 2). Atentát na premiéra: Sako, ktoré na fotke ukazoval Robert Kaliňák, zlikvidovali [Online report]. Aktuality.sk. <https://www.aktuality.sk/clanok/F1qgl22/online-dokazovanie-v-procese-s-atentatnikom-sa-skoncilo-sako-premiera-ktore-na-fotke-ukazoval-robert-kalinak-zlikvidovali/>
11. Антикульт: помощь пострадавшим от деструктивных культов [Веб-страница]. evolkov.net.
<https://evolkov.net/cults/help/anticult.help.html>
12. Гужва, А. (2020, 22 июля). Людмила Филипович: «Если нет свободы вероисповедания, то все остальные свободы не нужны». Гранит науки. <https://un-sci.com/ru/2020/07/22/lyudmila-filipovich-esli-net-svobody-veroispovedaniya-to-vse-ostalnye-svobody-ne-nuzhny/>
13. Довгаль, С. (2012, 15 серпня). Коли розум замінено культом. Україна молода.
<https://www.umoloda.kiev.ua/number/2124/161/75706/>
14. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. Библиотека [Раздел сайта]. ansobor.ru.
<https://www.ansobor.ru/library.php?book=85>
15. Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского (Новосибирская епархия). (2022, 20 июля). Протоиерей Александр Новопашин: «И я продолжаю свой бег». ansobor.ru.
https://www.ansobor.ru/news.php?news_id=10669